

Личное молитвословие в лингво-историческом аспекте

О. П. Касимова*, Г. Ф. Хуснутдинова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

**Email: olgakasytova@yandex.ru*

Стихотворная молитва возникла на стыке религиозного и светского сознания и первоначально стремилась соответствовать законам канонической молитвы. Исследование личного молитвословия XVIII в. приводит к выводу, что его жанровыми особенностями для того времени являются опора на канонические тексты молитвы, обязательные элементы композиции (обращение, содержание просьбы, обоснование просьбы), аксиологическая направленность и наличие старославянских элементов в речи.

Ключевые слова: молитва, личное молитвословие, дискурс.

Слово *молитва* семантически восходит к двум другим словам: *моление* и *молить*, которые являются синонимами слов *просьба* и *просить*. Но *молить* – это не только просить, а просить всей душой и покорно. В языковой картине мира молитва чаще всего ассоциируется с просительным актом Богобщения, т.к. большинство людей обращается к Всевышнему в трудные минуты своей жизни, взывая о помощи. Так, стоит вспомнить высказывание В. Розанова: «Молитва начинается там, где «я не могу», где «я могу» – нет молитвы» [1, 463]. Этим можно объяснить доминированность именно этого мотива в особом жанре поэтической молитвы.

Молитва считается древнейшим речевым жанром, относящимся к неклассическому виду диалогической коммуникации, который предполагает вербальное или невербальное обращение к объекту, воспринимающемуся как высшая сила. Молитва имеет обязательные структурные элементы: «личное обращение, изложение предмета и оснований (просьбы, благодарности или прославления» [2, 333]. Стихотворная молитва является вторичным текстом, такие произведения начинают создаваться в XVIII в. Тогда главной их особенностью являлась направленность на первоисточник – каноническую молитву, на сакральный жанр.

Но если первоначально стихотворная молитва возникла на стыке религиозного и светского сознания и стремилась соответствовать законам канонической молитвы, то со временем в ней все чаще находят отражение индивидуальность автора, эстетические и социальные ценности эпохи. Принадлежность поэтической молитвы к художественному дискурсу тем самым сообщает ей статус жанровой стилизации (см. статью Хисамовой Г. Г. Овчинниковой С. В. [3]).

Рассмотрим один из примеров ранних поэтических молитв – «Молитву» А. А. Нартова (1737–1813), видного деятеля Русского Просвещения, писателя и переводчика, президента Берг-коллегии, одного из основателей, секретаря и президента Вольного экономического общества. Тема стихотворения – обращение к высшей силе, Богу с просьбами. Главные языковые особенности, указывающие на подобие двух жанров (канонической молитвы и вторичного стихотворного произведения), заключаются в форме обращения, которое выражается звательным падежом имени (*О Боже, твари всей создатель*), присутствующего в молитвенной лирике благодаря опоре на канонический образец. Композиционно образующими элементами выступают просьбы, которые составляют значительную часть содержания. Они проявляются в форме побудительных конструкций глагола (*Избавь меня от сих врагов; Злодейских мя лиши оков. Сотри их выи горделивы И будь защитником в бедах*).

Духовно-ценностное содержание представлений А. А. Нартова о бытии выражено в следующих словах: человек создан, *«быть чтобы в блаженстве И век златой меж нами весть, Любовь имети в совершенстве, Несчастно бремя вкупе несть»*. Эти ценностные ориентации (любовь, красота, счастье, добро, демократия) представляются в аксиологии как общечеловеческие, они соответствуют трансценденталистскому и натуралистическому подходам в аксиологии и являются одними из самых стабильных в философских концепциях разных веков.

С точки зрения историко-лингвистического анализа стихотворная молитва А. А. Нартова представляет собой типичную высокую поэтическую речь второй половины 18 в., дата написания «Молитвы» – 1760 г. Старославянские признаки соответствовали содержанию этого стихотворения, его религиозной тематике и также предписаниям стиля. В нем в большом количестве присутствуют старославянизмы: *«Куда мой взор ни обращаю, Везде погибель предстоит, И тьмы врагов я обретаю, Их злость отвсюду мне грозит. Уже злодеи мя карают Отмщением на всякий час И хищный зев свой разверзают, Чтоб поглотить в единый раз»*.

В «Молитве» А. А. Нартова присутствуют такие фонетические явления, как неполногласие в словах *златой, благ*; начальное а- в слове *агнец* (русский вариант – ягненок), начальное је- в слове *единый* (русский вариант – один). В ней много лексических архаизмов: *взор, вкупе, погибель, выя, зев, зреть, коль, тьмы* (в значении количественного числительного) и др.

К синтаксическим особенностям текста А. А. Нартова относится активно используемая автором инверсия: *век златой, благ несчетных, твари всей создатель, злодейских мя лиши оков* и др.

Морфологические архаизмы в «Молитве» А. А. Нартова представлены стяженной формой личного местоимения (*мя*), архаичной формой инфинитива (*любовь имети в совершенстве*), устаревшими местоимениями (*сих, мя*).

В «Молитве» А. А. Нартова присутствуют стилистически оправданные приемы, придающие стихотворной мольбе выразительность и экспрессию: гипербола (*тьмы врагов я обретаю*), метафора (*обращаю взор*), олицетворение (*их злость мне грозит*), риторические вопросы (*На то ли мы на свет родились, Чтоб нам друг друга погублять?*).

Поэтические произведения второй половины XVIII в. еще были под влиянием церковнославянской письменности, которая обуславливала выбор грамматического и словарного материала. Как считает Г. О. Винокур, «высокая поэзия получила возможность, а в известном смысле и должна была пользоваться «славенской» лексикой и фразеологией как средством украшения речи» [4, с. 142]. Стихотворение А. А. Нартова в силу большого количества устаревшей лексики и архаичных форм слов может с трудом восприниматься молодыми читателями XXI в., хотя содержание «Молитвы» понятно каждому современнику. Личное молитвословие, как и многие тексты религиозного дискурса, считает О. П. Касымова, до сих пор сохраняет «свою этическую значимость благодаря выражению общечеловеческих ценностей, их духовность способствуют формированию гуманистической идеологии, в целом они имеют большое воспитательное значение» [5, 113].

Литература

1. Розанов В. В. Опавшие листья. М.: АСТ. 2001.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Иванов Л. Ю., Сквородников А. П. и др. (ред.). М.: Флинта: Наука, 2003.
3. Хисамова Г. Г. Овчинникова С. В. О функционально-когнитивном анализе художественного текста // Вестник Нижегородского университета. – 2015, №2. – С. 574–578.
4. Винокур Г. О. Русский литературный язык во второй половине XVIII века//Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 138–161.
5. Касымова О. П. Истоки русского языка как источник духовности//Православный ученый в современном мире. Ценности православного мира и современное общество. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Т. 1. Солоники, Греция 25–26 сентября 2015 г. Воронеж: ИСТОКИ, 2015. С. 112–114.

Статья рекомендована к печати кафедрой русского языка и методики его преподавания БашГУ
(канд. пед. наук, доц. А. М. Ямалетдинова)

Personal prayer in the linguistic-historical aspect

O. Kasymova*, G. Khusnutdinova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

**Email: olgakasymova@yandex.ru*

Poetic prayer occurred at the intersection of religious and secular consciousness and initially sought to comply with the laws of the canonical prayers. Exploration of the personal prayers of the XVIII century leads to the conclusion that his genre features for the time are relying on the canonical texts of the prayers, the obligatory elements of the composition (the address, the contents of the request, reasons for request), axiological orientation and the presence of old Church Slavonic elements in speech.

Keywords: prayer, personal prayer, discourse.